

Андрей Панин: «Я ненавижу работать»

Этот актер начал сниматься в кино лет десять назад, но заметили его после фильма «Мама, не горюй!», где он сыграл разудалого морячка. Сегодня Панин — один из самых снимаемых у нас актеров. Он как бы сформировал облик современного героя — разрушителя всяческих иллюзий, например, незлобивого киллера. В глубине души панинские герои знают, что неладно и с ними самими, и со страной. Надо бы, наверное, что-то сделать, но лень дергаться там, где все давно обокрадено и уничтожено.

Герои Панина, как правило, — второстепенные персонажи, но часто именно они становятся смысловым центром фильма. Они — люди с немалым жизненным опытом, что идет от самого Андрея, успевшего поучиться в разных вузах, очаровываться, разочаровываться, увидеть мир не только в его экранном преломлении.

— Да я вообще себя актером ни в детстве, ни в юности не видел! — говорит он. — Хотя, по-моему, чуть ли не в яслях наши старшие товарищи, то есть воспитатели, говаривали: «Андрей, тебе в клоуны идти надо!» После окончания школы поступил в родном Кемерово в пищевой институт, параллельно был диск-жокеем на дискотеке, и опять слышу от своего тамошнего руководителя: «Иди в артисты...». Я пошел на факультет театральной режиссуры в местный Институт культуры. И тут нашелся человек, сказавший: «Андрей, что мы здесь делаем? Мы ж тут самые умные! Едем в Москву!». Ну и поехали.

— Вы не кажетесь человеком, легко поддающимся чужой воле...

— Во всяком случае, в Москве я открыл счет поступлениям в театральный институт. Всего было четыре, пока я не был принят в Школу-студию МХАТ, после чего работал во МХАТе им. Чехова.

— Который покинули год назад. Тоски по МХАТу не испытываете?

— Нет. Честно говоря, я там не собирался работать, были другие планы. Хотел поступить на операторский факультет ВГИКа. Режиссуре, вроде, обучался, актерскому делу — тоже. Пора браться за операторское. Но для экзаменов надо было готовить фотографии, что-то писать, кадровать. По лености я все откладывал и откладывал. А весной, перед выпуском из Школы-студии позвали в Художественный театр: есть-де у них на меня надежда, прекрасные планы. Дали сразу две серьезные роли. Решил я год подождать, поиграть, а потом уйти. Но случился скандал администрации театра с нами, группой молодых артистов.

Я до сих пор считаю, что МХАТ им. Чехова — театр с огромным потенциалом. Но в последнее время, при тяжело больном Олеге Николаевиче Ефремове, который уже не мог реально осуществлять свою волю, театр скатился на неподобающие для него позиции. Мы, кстати по инициативе Олега Николаевича, понимавшего, что дальше так продолжаться не может, организовали профсоюз во главе с Ириной Апексимовой, надеясь создать новую структуру, которая могла бы удержать на плаву наш тонущий «Титаник». Естественно, это не понравилось людям, мутившим воду и пытавшимся ловить рыбку в этой воде. В результате скандал достиг чудовищных размеров. Вплоть до того, что нам с Ириной Апексимовой заявили: «Если вы не подпишете такой-то документ, мы уволим еще ряд людей. И это будет на вашей совести...».

— Кино заменило вам сцену? Ведь жизнь в кинематографе совсем другая?

— Да, кино — это совсем другое искусство.

— Ощутили это с первой минуты пребывания на съемочной площадке?

— Да. Особенно, когда пришлось сниматься в молодежном кино. Режиссеру фильма «Мама, не горюй!» Максиму Печемскому меня порекомендовал Гоша Цуценко, хорошо знавший меня раньше. Поначалу я пробовался на одну роль, потом произошла некая рокировка, и я стал морячком.

— После малобюджетных лент спокойнее, наверное, было работать в «Свадьбе» Павла Лунгина?

— Малобюджетные ленты страдают слабостью в организации съемочного процесса уже в силу скудности отпущенных средств. Получается так: здесь не успели, там не договорились, что-то вообще не привезли, что-то не установили и т.п. Начинается суета, очень обременительная для артистов, постоянная нервозность. Я не считаю, что плохо сыграл морячка, но знаю, что мог бы сыграть лучше, если бы не было того, о чем я говорил.

— В ленте «Мама, не горюй!» ваш герой противостоит всем остальным дей-

ствующим лицам. Они наделены разными грехами, душевными изъянами, а морячок — наивный, по-детски открытый, не чинящий никому зла. Не оттого ли он, сам того не замечая, выигрывает бой у наркоторговцев и киллеров?

— Морячок — нормальный человек. Может, он и заставит других на минуту задуматься: братцы, да мы страшно живем!

— Чем, по вашему, кино и театр разнятся между собой?

— Отсутствием общей идеи, грубо говоря. В кино артисту быстро сообщают какие-то частности — и вперед! Все заняты исключительно технической стороной процесса. Спрашивают тебя: «Готов? — и, не дожидаясь ответа, — Мотор, поехали!» А перепетировать так, чтобы все четко сделать, — о, на площадке не до этого, и если ты сходу сразу все четко не сделал, то уж извини! Ничего не изменишь, не переделаешь. А ведь хочется...

В «Мама, не горюй!» мне помогал четко отобранный актерский ансамбль. Нравился сценарий, мы снимали как бы сленговое кино, я имею в виду не только язык героев. Возможно, нам не хватало культуры, психологизма. Но в принципе я доволен, мне интересна новая волна в российском кино. Параллельно с работой у Максима Печемского я снимался у Дениса Евстигнеева в «Маме» в эпизодической роли отца семьи Юрьевых.

— Увы, отец Юрьевых оказался проходной фигурой. Может, потому, что нет и намека на его характер?

— Я вообще считаю, что у авторов «Мамы» изначально выпала очень интересная часть в истории Юрьевых. Не исключаю, что это мой эгоистический взгляд. Но, представьте, насколько было бы интереснее, если бы после встречи молодой Полины и ее будущего мужа было бы сказано, как они потом жили (без этих блужданий по подземным коммуникациям и драк с психами), как они дошли до мысли о победе. Мне кажется, что авторы хотели всем угодить: снять фильм а ля американский и а ля русский одновременно.

— Два взаимоисключающих начала...

— В том-то и дело! Получилась «Кровавая мама» — 2 или 3... Многое дотягивали артисты, собрали звезд, начиная с Нонны Мордюковой. Но, по большому счету, и это не спасло нас.

— В фильме Карена Шахназарова «День полнолуния» у вас тоже небольшая роль офицера. Но это поразительно яркая фигура, незабываема его горькая, щемлящая интонация.

— В этот фильм я случайно попал. Пришел

«Мама, не горюй!»

в группу, Карен сразу обратил на меня внимание: «Сфотографируйте его. Посмотрим, куда его можно пристроить». Когда я появился там второй раз, Карен попросил меня надеть форму... Так я был утвержден на роль человека, вокруг которого, в общем, собирается вся история, весь этот калейдоскоп лиц.

— Карен Шахназаров много и требовательно работает с актерами?

— Этот режиссер очень своеобразен и интересен мне, как и его фильмы. Он может быть жестким, требовательным, при этом четко тебя ориентирует. С ним не легко, но это и хорошо! Когда я пытаюсь сделать что-то так, как я привык, ограничиваясь штампом, Карен все это снимает и добивается своего.

— Вы снимались в его новом фильме «Яды»?

— Карен сам спросил, кого я хочу сыграть в «Ядах». Я выбрал Цезаря Борджиа.

— Довольно смелое решение при вашей абсолютно славянской внешности.

— По правде говоря, Карен тоже удивился в первый момент, но не возражал, сказав:

«Ну что ж давай попробуем трансформировать твою славянскую внешность гримом...». Меня стали превращать в итальянского аристократа времен эпохи Возрождения и после первых проб утвердили. Карен коротко сказал: «Все!».

— Цезарь Борджиа — чудовище, растленное создание. Вам приходилось раньше играть нечто подобное?

— В душе всех моих героев живет что-то от чудовища. Как, в сущности, в каждом из нас где-то прячется и Цезарь Борджиа, и Ричард III, и король Лир, и Григорий Отрепьев, которого я играл в Художественном театре в «Борисе Годунове». Да что мы! Возьмите любого политика! Ради своей власти над миллионами он пошлет на смерть сотни тысяч людей, не страдая, не мучаясь... Политика и мораль, мне кажется, не совместны, как гений и злодейство.

— Шекспировские герои, насколько я знаю, для вас всегда эталон, мерило?

— Я считаю Шекспира самым великим драматургом всех времен и народов. Его силы и страстей мне не хватает в пьесах Чехова. Чехов для меня — гениальный прозаик. Но не гениальный драматург, каким его считает большинство.

— Вы играли когда-нибудь Шекспира?

— К сожалению, очень мало... Когда я проходил конкурс для стажировки в Англии, с условием работать на английском языке, я читал монолог из «Антония и Клеопатры» Шекспира. Видимо, прочел удачно, потому что конкурс прошел. В Англии я работал с режиссером Саймоном Макдони, бывшим ассистентом Питера Брука. Макдони — уникальная, исключительная личность. В прошлом — очень хороший актер, человек еще довольно молодой. Он создал труппу, в которой с нами были англичане, американцы, актер из Восточной Европы. Я представлял Россию. Этот разнонациональный, разношерстный коллектив мог делать все! Мы репетировали как бы по возрастающей: сложнее, сложнее и еще сложнее. Работали над Хармсом, это был блок из разных произведений. Я очень жалею, что мне больше не пришлось работать с Макдони. Когда я преподавал в школе-студии МХАТ на курсе Ефремова, я предложил Саймону провести у нас что-то вроде мастер-класса. Были звонки, факсы, но в итоге так и не удалось это осуществить. А потом я ушел из Школы-студии.

— Что вас заставило это сделать?

— Нужно полное единомыслие среди преподавателей, с которыми ты работаешь на курсе. А я, допустим, сижу на приемных экзаменах и думаю: вот этого человека я бы взял, а беру другого. Я спорю безуспешно. Кстати, за время работы в Школе-студии я успел поставить спектакль, из которого потом сформировалась молодежная студия Художественного театра. Сейчас меня снова туда приглашают; и рад бы — но я в цейтноте. Педагогика требует постоянного и максимального внимания к студентам. По собственному опыту знаю, что люди, активно востребованные в театре и кино, очень редко появляются у своих учеников.

— Принимаете ли вы систему обучения в российских театральных вузах?

— Боюсь, она нивелирует, усредняет талант студентов. Начиная с того, что педагоги борются и стараются убрать акцент, говор, а в результате нередко убивают душевный, личностный акцент, если можно это так назвать, то, чем один актер должен отличаться от другого.

— В фильме Атанасяна «24 часа» ваш киллер-интеллигент очень занятен, как и предмет его охоты, его коллега в исполнении Максима Суханова.

— В отличие от многих картин, снимающихся годами из-за отсутствия средств, мы все сделали в сжатые сроки, вплоть до того, что мне однажды пришлось выйти на съемки с воспалением легких. Сделали несколько уколов — и сыграл. Во время работы была только одна пауза из-за дефолта. Я связываю это с тем, что к Атанасяну очень хорошо относятся его друзья. Они позволяли бесплатно снимать в своих ресторанах, гостиницах, квартирах, на дачах, давали нам машины. Меня поразило, что эти весьма деловые, удачливые граждане безумно хотели сниматься в кино. Более того — хотели себя озвучивать. Кино манит по-прежнему.

— Как вам жилось жизнью киллера?

— А я своего героя киллером не считая. Он — человек, попавший в ситуацию, когда вынужден стрелять. У него нет другого выхода. Притом он может заработать на этом выстреле почти миллион.

— Как страстно вы оправдываете убийцу!

— Вы только вспомните, кого ему надо убить? Действительно, киллер — профи. Идет очень долгая комбинационная игра, и все время в ней присутствует момент трагического выбора. На самом деле мы мало знаем о жизни таких людей. Думаю, что каждый из них в конце концов попадает в капкан. Не только киллеры, а вообще все, кто связан с большими деньгами. Мой герой ра-бо-та-ет! Они не называют то, чем он занимается, «грабежом», «рекетом», «убийством». Говорят: «Нужно с этим человеком побеседовать...», «нужно этим человеком заняться»... Есть своя специфика — как во всякой профессии. Они обладают огромным запасом памяти, как фокусники высшей категории, экстрасенсы, гипнотизеры.

— Они, что же, никогда не задумываются о существовании своей, как вы говорите, работы?

— Ельцин очень задумывался, что он делает? Уверю вас, за ним много больше смертей, чем за моим героем.

— Еще недавно режиссеры предпочитали эффектных, импозантных героев.

— Сейчас с этим полегче. Посмотрите хорошие американские сериалы, например «Скорую помощь». Все лица — узнаваемые, обыкновенные. Доктор Грин — прямо из твоего подъезда. То есть они как будто существуют рядом с нами.

— Вы знали в жизни таких людей, как ваш Гаркуша?

— Как не знать! «Свадьба» — шахтерская картина. Мое Кемерово — шахтерский город, там начались первые в Советском Союзе бунты. Повод был вроде бы простой: да-

«День полнолуния»

вали шахтерам положенный им кусок мыла, но такой маленький, что он выскальзывал из рук и тут же проваливался через решетку. Достать обратно было невозможно. А второго куска не давали. Мало кто знает об этом. Мой Гаркуша — весь оттуда.

— Вы продолжаете жить на экране в амплуа довольно непривлекательных граждан. Снялись, например у Сергея Соловьева в «Нежном возрасте», где от вашего персонажа буквально оторвет берет. Кто дальше?

— Дальше — «День рождения Буржуя», вторая часть. Мой герой — антагонист буржуя, в прошлом его сокурсник. Снимаюсь у молодого режиссера Алексея Сидорова в сериале «Бригада». Летом наметены съемки детской картины «Калашников и Спартак» Андрея Прошкина.

У меня есть еще один не самый светлый человек в сериале Елены Цыплаковой с рабочим названием «Семейные тайны» или «Дело Ермакова». Это история современного короля Лира, решившего при жизни раздать свое немалое состояние. Он болен и хочет мирно дожить свои дни. Естественно, ничего из этого не выходит. Мой персонаж — якобы его друг. А на самом деле всю жизнь носит обиду и жаждет реванша. Честно говоря, плохого человека играть легче, чем хорошего. Самое сложное — играть чистоту, порядочность, верность. Кому-то это удавалось. Я пытался и понял, как это невероятно сложно.

— Вам помогает ваше режиссерское образование?

— Да, но мне нужны советы режиссера, он следит за мной, помогает быть точнее, исключает повторы. Кроме того, режиссер видит все в целом, а актер — лишь часть, компонент фильма.

— Сами вы не собираетесь уйти в режиссуру? У вас все-таки режиссерское образование?

— Пока не готов к этому.

— Пока?

— Честно говоря, мне эта идея интересна. Но мешает природная лень. Я ненавижу работать...

Эльга ЛЫНДИНА